

17:45 / рассказ

Category: Heкаýalar, Kitарсу

написано kitарсу | 24 января, 2025

17:45 / рассказ 17:45

1.

На тумбе беспорядочно – пухлые бутылочки с лекарствами, стакан с недопитым чаем, сквозь его прозрачные стенки густой слой выцветшего малинового варенья и лимонную дольку, коричневую, пропитанную заваркой; рядом вольно разлегся градусник, на своей шкале твердо помнящий тридцать семь и девять. Часы, в отличие от него, подвижные, забравшиеся высоко на стену, как-то несвоевременно пробили семнадцать сорок пять – время вечерних процедур. Из бутылочки с микстурой от кашля «Звездочка» Марина, в который раз сверяясь с рецептом, отливает в мерный колпачок ровно 25 миллилитров. Аккуратно выдавливает из конвалют на ладонь таблетки (парацетамол, ампициллин и глюконат кальция). Медленно, чтобы обнаженные ступни теснее касались до остроты холодного пола, она проходит в ванную, выливает «Звёздочку» из колпачка в унитаз, туда же отправляются таблетки. Кнопка слива. Прием окончен.

Сосредоточенно и неторопливо Марина проходит на кухню, достает из холодильника кефир и выпивает его, жадно, почти залпом, важно, чтобы прохладная жидкость основательно прошла по горлу и воспалила его сильнее. Последний штрих – несколько, быть может, даже десять, минут Марина проводит на балконе. Босая. Сейчас на ней только ночная рубашка и мурашки. Марина не прячется, не куксится, не обнимает плечи руками. Напротив – широко их расправляет, и всем телом, каждой его порой, глазами, ноздрями, ртом и ушными раковинами поглощает холод. Марина становится частью осенних сумерек: кожа, пергаментно-бежевая, иссушенная болезнью, принимает их цвет (сначала синеву, затем легкую черничность), вены ветвятся, местами заметнее выделяются, глаза отражают, последний на сегодня закат, его туманную желтизну. В стопе возникает пульсирующая,

твердая боль. Судорога пробегает до бедра, заставляет Марину согнуться, и в таком положении хромать до постели. В одеяло она пока кутаться не станет.

На часах восемнадцать ноль восемь. Теперь, когда все сделано, стрелки, часовая, минутная и даже секундная, успокаиваются и шагают по циферблату как кадеты по параду. Марина следит за ними внимательно, потирая и оттягивая нижнюю губу. Дрожь неохотно унимается, вместе с ней проходит и онемение в ноге, кожа расслабляется. Марина натягивает одеяло до подбородка, уставшие глаза закрываются. Дрема, тяжелая и горячая, наваливается на нее поверх одеяла.

– Как ты чувствуешь себя, зверёчек? – доносится из-за пелены одеяла, век и сна, холодные руки касаются лба, шеи, – Да ты горишь вся!

– Володя, – голос Марины простуженный, хриплый, поначалу отвыкший, постепенно выравнивается. – Так ждала тебя... Нормально. Знаешь, сегодня намного лучше, температура поменьше.

– Ну-ну... – недоверчиво произносит Володя. – Таблетки пила? Марина вышколенно и энергично кивает.

– Температуру мерила?

– Да, – Марина тянет руку за градусником, но Володя, обратив на него внимание, хватает его, немного нервно, быстро, не позволяя жене.

– Уже третий день держится! Давай скорую вызовем?

– Опять? Ну, если ты хочешь, конечно. Ну, а что они сделают? Вколят что-нибудь? Помилуй. Мне уже сидеть больно.

В ответ Владимир тяжело вздыхает, взглядом упершись в пол. Кивает.

– Принеси чай, пожалуйста, – Марина протягивает мужу стакан.

2.

– Павлуша Пузатов – парень порядочный! Верен жене, родине, идеалам... – начал Васильич в очередной раз.

Те, кто с историей уже был знаком, заведомо, за тех, кто ее слышит впервые, улыбнулись.

– ...я, почему эту историю так хорошо знаю, мы ведь с Павлом работали вместе, в ЖЭКе, район Отрадное, – Васильич замолкает, оглядывая внимательно слушателей, видит в них заинтересованность и намеренно молчит несколько минут, уткнувшись взглядом в шнурки, изображая неуверенность, вызывая сомнения у аудитории только ради того, чтобы впоследствии их разбить, как врагов и раздавить, как комаров! Пару раз открывает рот, создавая впечатление, будто сейчас заговорит, начнет. На третий говорит:

– Сигарету дай, – обращаясь к Ване (он у нас самый молодой, его даже уборщицы по имени-отчеству не зовут).

Выкуривает он ее с удовольствием, неторопливо, присев на корточки. Собравшиеся кругом новички недоумевают, да и что они могут понять в этом сакральном для нас, бывалых, ритуале? но ждут, молча, без возмущения.

– Павлуша Пузатов – парень порядочный, – вновь заводит Васильич, – Супруга у него была, Анечка. Так вот, он, кроме Анечки, женщин не знал. Не подумайте, я не о телесном. А как бы это сказать... будто не видел их, будто их не существовало вовсе. Говорил он только о жене, свободное время проводил с женой, посторонних женщин звал товарищами, смотрел им только в глаза, если по телевизору показывали какую-нибудь непристойность он, подобно ребенку в присутствии взрослых, закрывал глаза ладонью, и спрашивал у нас спустя короткое время, все ли? Мы поначалу подшучивали, посмеивались, а потом привыкли. С пониманием отнеслись к его абсолютному чувству к Анечке, даже нашли ему оправдание – она мужу обеда на работу приносит.

Не было человека, который бы не знал о любви Павла. Он успевал рассказать об Анечке в первые пять минут знакомства, не различая, кто слушает, главный инженер или завхозовский, прирученный на лето, пес.

При этом, не было ни одной в округе женщины, которая не пыталась бы Павла соблазнить. Парадокс! С какой-то молниеносной прытью начинали его женщины любить. Казалось бы, счастье во плоти! Но мы Павлуше только сочувствовали. Если бы вы видели, как они его домогались, вы бы тоже посочувствовали...

Так из-за этого все и случилось. Света из бухгалтерии, под каким-то предлогом отвела его на склад, дверь заперла, а ключ в окно! И разделась. Разделась догола! Как он кричал! Дверь пришлось выламывать. Выломали. Врываемся – картина маслом. Павлуша забился в угол, воет, трясется, дрожит, руками от нее лицо прячет.

Света растерялась, смотрит то на нас, то на него. И мы растерялись! Один плачет как дитё, вторая стоит, в чем мать родила.

– То есть вы не знали, что Света там? – решается спросить кто-то из слушателей.

– Да откуда ж нам знать? Сидим мы обедаем. Признаюсь, не без этого – Васильич щелкает себя средним пальцем по сонной артерии, - а все почему? В тот день, к нам проверка пришла, Гена из профсоюза присоединился, на всякий случай. Так ревизор ведь нам еще и помогал дверь выламывать! Он, один из первых, и увидел это ни-гля-же.

На крик Павлушин к тому времени успела прибежать вся контора. Стоят все, смотрят, не понимают ничего.

Васильич закуривает вторую, спрашивает у Вани, который час.

3.

17:45 – день кульминации большого разрыва, Арбат. Полумрак сумерек и свет фонарей.

Обстоятельства удивительным образом сложились так, что я сижу перед тобой на корточках, держу за руку и пытаюсь убедить (убедиться) в своем существовании.

А ты, истерично закинув голову, прислонившись к стене, будто она стала опорой для твоего отчаяния, плачешь. Град первых ударов прошел: корни моих волос и кожа головы ноют от боли, а на ногах будут синяки. О том, что ты продолжишь меня колотить, я догадываюсь. Спросить не решаюсь. Но от любопытства сгораю. Ей – богу. И, конечно же, это случилось! Ты оттолкнула меня, решившись уйти, а я побежала следом, по-пьяному неуклюжая и самоуверенная. Дергаю за плечо, прошу остановиться. Надо договорить... Ты оборачиваешься резко и опять запускаешь пальцы

в мои волосы.

Вспоминаю о том, что когда-то писала рассказ о своем желании поговорить, которое было отвергнуто насильем. К этому времени ты еще несколько раз ударила меня коленом. Никакой ярости или злобы я не ощущаю. Сплошное любопытство! Я даже смеюсь и щебечу как пташка, что не буду бить в ответ, потому как именно этого тебе и хочется. Ты захлебываешься слезами, не прекращаешь удары.

Я ведь позволяю тебе это, потому что нежность чувствую и тебе все можно... Ой! Все-таки немного больно.

Тут к нам подходят двое. Мужчины. Крупные, немного пузатые. У одного щеки выпуклые как аквариумы, другой вовсе лишен особенностей. Держатся и нагло, и учтиво, когда спрашивают: «Девушки, у вас все хорошо?» Я говорю, что да и в помощи мы не нуждаемся. Но тут в игру вступает твоя экспрессия и ты, громко так, что звезды падают с небес, дабы увидеть, что тут, на грешной Земле, творится, говоришь:

– Ничего у нас хорошего! Вас когда-нибудь предавал друг? – один из них ошарашен и что-то бубнит в ответ, но тебе его слова не интересны. – А вот меня – да!

Я пытаюсь тебя уговорить, их внимание мне не нравится. Только вот сложности добавляет твое рвение продолжить драку и их навязчивость. Мне все-таки удастся, вежливо улыбнувшись, увести тебя подальше. Но это было бы слишком скучно и просто, если бы они не продолжили наблюдать, и, когда ссора накалилась снова, они тут же очутились рядом. Ты продолжаешь им говорить ярко и громко о предательстве и дружбе, об их удивительном сплетении, которое все же болезненно. Вежливость превыше всего и я, раздраженная, говорю: «Послушайте, я благодарю вас за участие и отзывчивость, но это все же не ваше дело и вмешиваться вы права не имеете».

Аквариумнощекий, растягивая слова, отвечает: «Вообще-то, имеем» и показывает мне удостоверение, я, по-пьяному слеповатая, разглядеть сумела только триколор флага и герб.

Страха я не почувствовала и именно поэтому я, по-пьяному смелая и язвительная, заявляю:

– Да вы нас еще арестуйте за то, что мы тут отношения

выясняем!

Конечно, после, когда мы шли к полицейской машине в их сопровождении, я понимала, что слова эти были ошибкой и если бы мы просто извинились и ушли восвояси, мы бы никогда не услышали: «Вообще-то, мы можем арестовать вас за то, что дебоширите. Пройдете с нами».

Ты пыталась отбиться, говорила, что вины твоей в этом нет, просто люди – твари, но им невдомек, да и попросту – было наплевать. Я же покорно шла, наслаждаясь дымчатой прохладой наступающей ночи.

И вот, мы на заднем сидении машины с мигалками: один из служителей закона начинает задавать вопросы и записывать данные о нас. Другой отрешено закуривает, будто нет нас вовсе, коллеги его нет, будто он просто остановился где-то в глуши, окруженный полями, чтобы поглядеть на звезды.

Я все пытаюсь объяснить, что не нужно ко всему так серьезно относиться. А протокол оформлять тем более не нужно!

– Вообще-то... – заводит щекастый старую шарманку. Мне его растянутое «вообще-то...» еще с первого раза успело надоесть. Он произносит это так, словно кожа кобуры и пол-килограмма стали возле надутого живота дают ему право на скудоумие.

Только я хотела ему об этом сообщить, как где-то поблизости раздается выстрел, потом еще один и... еще один. Оба, как заведенные, распахивают дверцы машины и уносятся прочь. В моей голове уже возник план побега, бумаги с информацией о нас так и остались лежать на переднем пассажирском сидении – ничего не стоит их забрать и делать ноги. Но тут щелкает замок и сигнализация с мелодичным свистом подтверждает, что мы заперты до их возвращения.

Несколько десятков минут длится молчание. Ты выглядишь угрюмой. И я, будто бы слышу с какой силой ты стискиваешь зубы, дабы это молчание поддержать. Долго это продолжаться не могло. Ты резко толкаешь меня в сторону двери и моя голова услужливо врезается в стекло. Сначала мне показалось, что оно треснуло, но на самом деле это в моей голове раздался треск, который еще долго отзывался эхом и болью. Кричишь: «Какая же ты тварь!»

Все, что произошло на улице, повторяется, только пространства меньше, а синяков становится больше.

Когда полицейские возвращаются, я выгляжу совсем потрепанной и разбитой (тесное общение с человеком, который желает твоей смерти, имеет последствия). Они сообщают нам, что не суждено, мол, сегодня за решеткой ночевать. И наши места на заднем сидении занимают юноши, которые устроили экшен.

Мы отправились в сторону метро, сначала поодаль друг от друга, по разные стороны почти опустевшей улицы. Расстояние сокращалось, на смену ему пришел хохот.

2.

– Вернемся к нашим баранам, – продолжает Васильич, – ну, в общем, стоит Света голая, даже не прикрывшись, Павлуша плачет. Ревизор первым приходит в себя, снимает пиджак, укрывает им Свету, она, опомнившись, робко говорит ему “Спасибо”, краснеет и тут же выбегает из склада. Павел становится тише, обращает внимание на собравшуюся толпу, утирает слезы. Заведующий начинает всех гнать по рабочим местам, “Ну-ка, все разошлись”. Остаемся мы вчетвером ревизор, заведующий, я и Павлуша...

Слушатели Васильича вовлечены в историю, не могут оторвать глаз, кто-то похабненько улыбается, кто-то сочувствует... Тут к нашей компании подходит Виталина Аркадьевна:

– Так, ребята! Звонок для кого звенел? Ну-ка быстро все на урок!

Пока мы бредем по коридору в сторону кабинета физики, Васильич томно, с сожалением вздыхает:

Ничего, я вам на следующей перемене расскажу.

Во время урока, я внимательно смотрю на его затылок (Васька сидит на две парты вперед). Он что-то пишет, видимо, вспоминает продолжение истории.

Васька Водолазкин, вероятнее всего, станет актером или драматургом. Или и тем, и тем. Мы всей школой, благо она маленькая, любим смотреть, как он разыгрывает в курилке, то Афродиту Базюлькину (старая дама с приветом, говорит о кошках), то Родольфа Абрамотича (богат, делится историями о

лучшей жизни), то Анри де Лебези (французский дворецкий в семье английских лордов). Ну, и классика – сантехник Васильич. Его мы любим всей душой. А Ванька больше всех! Так он понравился ему, столько веры внушил, что Ваня стал его младшим помощником, юным сантехником. Таланта актерского у Вани нет совсем, поэтому игра его сводится к ассистированию, то сигарету подкурит, то за водичкой сбегает.

Истории Васька часто рассказывает одни и те же, добавляя новых деталей. Допустим, про Светку из бухгалтерии мы уже в четвертый раз слышим, но прежде она либо лезла целоваться к Павлуше, либо била молотком Анечку, либо все вместе взятое из мести; догола она раньше не раздевалась, сегодня случай особенный.

17:45. Звонок.

Помню, нам как-то рассказывали на уроке о многоруких чудовищах, которые жили в древние, греческие, времена, я нарочно запомнил – “гекатонхейры”, сейчас, когда мы гурьбой окружаем Ваську Водолазкина на лестнице и просим продолжить, я думаю о них. Мы с шумом выходим из школы.

Васька бросает взгляд на дверную табличку: “ГБУ Специальная коррекционная общеобразовательная VIII вида школа-интернат № 102”, сутулится, хмурится, смотрит в пол, недолго молчит.

Васильич, обращаясь к Ване, продолжает историю:

– Сигарету дай!

1.

Владимир, в очередной раз заметил, что его присутствие положительно влияет на слабое здоровье жены. Простуда случалась с ней раз в месяц, аллергия в апреле (не дай им Бог совпасть!), мигрени в особенно дождливые и сырые дни, больное колено напоминало о себе осенью, печеночные колики – спонтанно. Помимо этого Марина дважды, поскользнувшись, падала в ванной и разбивала нос, резала пальцы во время готовки (туда же: многочисленные ожоги), по рассеянности она чуть не свалилась с балкона, в тот же день прищемила мизинец. Маленькие несчастья и большие неприятности были верными

спутниками каждой секунды Мариной жизни.

Лежа в постели, под давлением, по-хоречьи крепко спавшей на его груди, жены, Владимир думает о предстоящем дне, надо бы поспать перед поездкой. Жалостливо, будто кошку, он гладит ее по голове. Даже во сне Марина реагирует на его ласку и прижимается сильнее. Это бессознательное ее стремление к нему, безотчетная любовь, вызывает в нем сильнейший приступ вины. В очередной раз Владимир сомневается в своем решении. В очередной раз Владимир, для очистки больной совести, вспоминает слова доктора Варфоломеева:

– Срочно! Срочно госпитализировать! Положим в наш филиал, в Балашихе. Да что значит, когда? Чем раньше, тем лучше!

– Что?

– Синдром Мюнхгаузена что!

Надо бы уснуть. Завтра им предстоит тяжелая поездка.

Об авторе: ЗУХРА АБАКАРОВА

Родилась в Дагестане, живёт в Москве. Студентка Литературного института им. Горького. Некаýalar